К84(АБх)-5
А43

ЭДУАРД ДЗЫБА

К84(=АБ)
А4

М-368063-П
105431

СТИХИ

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
АБХАЗИИ им И. Г. ЛАПАШКИР
Отдел национальной и краеведческой
литературы

СУХУМИ
АЛАШАРА
1988

Республиканская

84.Аб7-5
Д 43

ДЗЫБА Э. А. Экслибрис. Стихи. — Сухуми: Алашара, 1988. — 74 с.

Поэзия Эдуарда Дзыба строится на внутреннем переживании автора в созвучии со сложным окружающим миром. В новой книге «Экслибрис» поэт продолжает тему любви, добра, мужества и гражданственности. В сборник включены и новые переводы автора.

Д $\frac{4702010202}{М623(06)88}$-038-88

Издательство
· Алашара · 1988

ЭКСЛИБРИС

Мой экслибрис —
Это Эльбрус.
Величавый и двухглавый,
Что живет не ради
Славы —
Ради вечной
Высоты.
Мой экслибрис —
Это глобус,
С очагом родной
Державы.
Мой экслибрис —
Это ребус
Человеческой мечты.

ПОПРАВКА К НАЗВАНИЮ КНИГИ

Назвал я книгу —
«Перевал»,
А позже понял, что играю
С огнем,
И на пути провал,
И я — букашкою
По краю.

И сам себя теперь караю,
Что поспешил
И насмешил.
Но я, представьте, люди,
Жил
Суровой песней перевала,
Какое счастье перепало!
Но песню ту
Не завершил...
Внизу лежит моя низина,
Не забывайте, горы, сына.

КОРОТКО О СЕБЕ

Босоногий растрепанный ветер
Снова гладит меня
По челу...
Меня любят собаки
И дети,
И не знаю я сам,
Почему.
Я художник,
Бунтарь
И безбожник,
Я такой,
Я сякой,
Не другой...
Но для всех бессапожных —
Сапожник,
Для раздетых —
Портной даровой.
А быть может,
Река — я на свете,
Чтобы жаждущих всех напоить...

Меня любят собаки
И дети,
И не знаю,
За что им любить.
Выхожу поутру
В путь-дорогу,
Мне дорога,
Как песня, под стать.
Надо радугу —
Недотрогу
Непременно сегодня достать.
Раздарить бы ее семицветье
Всем на свете на счастье и мир.
Меня любят собаки и дети,
И не знаю, за что я им мил...

РИСК

Аттракцион под сводом цирка —
Неугомонность мотоцикла —
Из потрясающего цикла,
Из цикла смелости и риска.
Через сердца проходит риска —
Граница, красная черта,
А он несется —
Ни черта!

По вертикальной параллели
Кружится,
Вьется,
Как пропеллер,
И точно белка в колесе.
И затихают в зале все.
Весь зал огромный замирает,
И сантиметры замеряет...

Я сам живу на грани риска
И где-то, далеко ли, близко,
Проходит та, моя черта...
Смогу,
Осилю,
Ни черта!..

ПОЕДИНОК

Во мне нас двое — я и он.
Так с незапамятных времен
Я — пессимист, он — оптимист,
Я — оптимист, он — пессимист.

Нам не хватает больше мест,
Приходит неизбежно месть.
Суровый, правильный закон.
Он или я!
Я или он!
О этот самый трудный бой
С самим собой,
С своей судьбой!
Кто прахом станет —
Побежден?
Кто правом будет
Утвержден?

* * *

Я, горец, —
В городе родился.
Родился —
Свету удивился.
И прокричал об этом звонко

В глухую
Утреннюю рань...
В горах услышала ребенка,
Наверное,
Лесная лань.

И вот спешу
Навстречу ветру,
По речке улицы плыву.
То пыльную замечу
Ветку,
То раннюю найду
Траву...
Вот так и рос:
Домов вершины,
Поля огромных площадей...
Вот так и вырос
До мужчины,
Обожествляя лошадей.

Живу,
Не жалуюсь
Как будто,
Но кажется
Мне каждый день:
Из-за угла
Через минуту
Навстречу выскочит
Олень.

ОХОТА

Какая там осенняя охота —
По полю,
По-пластунски,

Как в бою!..
Сегодня рисовать и петь
Охота.
Как жаль, что не рисую,
Не пою.

Куда, крадучись?
На какого зверя?
Щелчок —
И выстрел роковой
В тиши.
Убийство зверя —
Это же потеря
Свободной
Торжествующей души.

Зачем собрались мы в лесу,
Мужчины?
И ни один
Не повернул назад...
Языческие, древние причины
Владеют нами
Или же
Азарт?

Вам все равно —
На зайца
Иль на волка,
А можно и в оленя
Залп огня.
Вы целитесь удачно,
Знайте только,
Что каждый этот выстрел —
И в меня.

Пусть надо мной подтрунивает
Кто-то,

Но я на травлю зверя
Не мастак.
Сегодня рисовать и петь
Охота,
Бродить с утра
По лесу —
Просто так.

Да, я чудак
И это не скрываю.
Вернусь с охоты —
И букет на стол.
Иду по лесу и цветы срываю
И васильками
Заряжаю ствол.

* * *

Ах, мне бы быстрою
рекой,
Неудержимо и крылато,
В объятьях гор лететь
куда-то,
Презрев удобства и покой.
Ах, мне бы свежею струей
В немую жажду поля
влиться
И дать былиночке
напиться,
Звеня напевною струной.

Ах, мне бы на себе нести
Крутые грузы лесосплава
И где-то слева, или справа

Заметить чудо на пути.
Хочу рекою быть.
Хочу
Рукой натруженной и
честной

Под Джегутой
Или Черкесском
Взрастить простую алычу...

* * *

Меня водили,
Как ребенка,
По шумным улицам Москвы.
И все казалось
Жеребенка
Увижу на ковре
Травы.
О боже мой,
Зачем, скажите,
Касаясь пыльною рукой,
Я Рицы синеглазой житель
Склонился над Москвой-рекой?
Какая мне была награда,
Когда на веточке луча
Тугие гроздья винограда
Касались моего плеча.
И вот досталась жеребьевка
По шумным улицам бродить,
Мечтать увидеть жеребенка,
А все машины находить.
Летят они,
Стальные кони,
И все не видится конец...

Сегодня ночью на балконе
Надрывно плакал
Жеребец.

КУБАНЬ

Как джигит,
Легко и просто,
В эту утреннюю рань
На скаку зеленый остров
Заарканила Кубань.

И колышится игриво
В струях ветра в этот миг
Тополей зеленых грива,
Неспокойных волн башлык.

А Кубань летит,
Несется
В седловине берегов
И нигде не спотыкнется.
Ясно слышен звон подков...

ЗЕЛЕНЧУК

Давайте называть его
на «Вы».
Он — старец. Сединою
убелен.
И от Камчатки
до самой Москвы
К нему приходят люди на
поклон.

Давайте называть его
на «Вы»,
Ведь расступились перед
ним вершины,
Изгибы волн, наверное,
морщины
На моложавом лике
синевы.
Вы, Зеленчук, — красивая река,
И сказку тут не отличишь
от были.
Но перед вами дрогнула
рука
Врага... И трупы долго
плыли,
Такое было... Поросло
быльем...
Сегодня над рекою ветер звонкий.
И женщина спускается с
бельем.
И будет полоскать она
пеленки.
Но будем называть его
на «Вы».
Об этом напевают даже
листья,
Хоть от Камчатки — до
самой Москвы
С ним многие на ты уже сошлися.
Он молодой. Он старый —
Зеленчук.
Он мудростью, он молодостью правит.
И не понятно прадед или друг.
Наверно, друг... А может
быть, и прадед...

ЗООЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

«Посмотрите налево..., а теперь направо».
Из монолога экскурсовода.

Енот,
Горилла,
Какаду,
И ястреб и медведь
Стоят, застыли, на виду,
— Не петь и не реветь.
Налево — чучело змеи,
Направо —
Бегемот.
Они теперича свои,
Хоть сунь им палец в рот.
А это лев,
Разинув зев,
На корточки присел.
Хозяин лев,
Красавец лев
Обмяк и облысел.
А это — слон,
Когда-то он
Был дюж и неуклюж,
Со всех сторон — аттракцион
Звериных бывших душ.
Не скуки ради,
Дорогой,
Науки ради
В лесу вершили зверобой
Большие дяди.
Зоологический музей

Стране известен всей.
Входи, любуйся, ротозей,
И на зверей глазей!
На бывших, так сказать, друзей!..

РЫБЫ

Из морской зеленой глыбы
Выброшены в пекло дня,
Пляшут рыбы,
Пляшут рыбы,
Как шаманы у огня.

Будто их нежданно
В будни
Праздник радостный настиг.
Темпераментно,
Как в бубны,
Бьют хвостами о настил.

В небо каждая стремится.
Выбивается из сил,
Будто рыба —
Это птица,
Или небо —
Моря синь.

Кто придумал этот танец
Между небом и землей?
Сети тянут,
Сети тянут
Над морскою синевой.

И разительны изгибы.
Извиваются, как плеть,
Пляшут рыбы,
Пляшут рыбы...
Да не хочется смотреть...

ПОСЛЕДНЯЯ СПИЧКА

Я шел,
Презирая усталость.
На самое небо
Залез.
Последняя спичка
Осталась,
А нужен костер
Позарез.
Вершины уснули
В тумане.
И ветер
Снега распростер.
Последняя спичка
В кармане,
А нужен по горло
Костер.
Мелькнула луна,
Точно вспышка.
И бурку раскинула
Ночь.
Осталась
Последняя спичка,
Которая может помочь.
Как писано
В ветхом коране —
Расплата идет
За грехи —

Последняя спичка
В кармане.
Но рядом со спичкой —
Стихи.
Рукою продрогшей
И робкой
(Мне нечего больше
Терять)
Я лезу в карман
За коробкой
И знаю
Достану тетрадь.
И вот
Полыхает,
Искрится,
Букет
Из стихов и огня.
И машет руками,
Как птица,
И, может, растет из меня.
Такое судьбе перепало,
Случилось такое
Не зря —
На самой груди
Перевала
Взметнулась
Из песни
Заря!
Гори, мой огонь,
Не сгорая,
Теплом
Согревая сердца.
Тебя и в Сухуми
Узнают
И в дальнем ауле
Отца.

Свети
Полыхающим светом,
Я друга сегодня
Ищу,
И верю найду
И об этом
Поэму еще
Напишу.
Я верю мечте
Точно маме
И снова
в дорогу готов...
Последняя
Спичка в кармане —
Но рядом —
Созвездье стихов!

М-36063
105431

БАЛЛАДА ОБ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ ДОЛГЕ

Восседая верхом
На порожней таре,
На ящиках
Пустых
Из-под пива,
О, боже,
Как он играл
На гитаре.
Как он играл
Красиво!

В песнях его
Колыхала гренада
И островок какой-то
Высокий.

Республиканская
БИБЛИОТЕКА
Министерства культуры

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
АБХАЗИИ им. И. Г. ПАПАСКИР
Отдел национальной и краеведческой
литературы

«О боже,
Это же надо —
Пацан поет,
Ну как твой Высоцкий!»

И затихала
Пьяная драка.
И выходили все
Из барака.
«Слышишь, сыграй,
А, слышишь,
Сыграй.
Ну вот пропой
Про заморский рай!»
Но мальчик
В одну ночь
Взрослым
Стал. —
Его отправили в Афганистан.
На выполнение интердолга.
Смолкла гитара,
Смолкла надолго...

* * *

Время хорошее
Смяло бараки,
Канули в прошлое
Пьяные драки.
Все изменяется
В этом мире,
Мама с невестой
В новой
квартире,
Мама на кухне...

В черном платке,
И похоронку
Держит в руке.

...Восседая!
На огромном,
Земном шаре,
Как на порожней
Перевернутой
Таре,
Мальчик другой
Играет на гитаре...

ЛЮБОВЬ К САМОЛЕТУ

Самолет рокочет,
Как ракета,
Курсом из заката на рассвет.
За окном —
Полотна Рокуэлла Кента —
Облака,
А может, правда, снег.
И средь этой синеокой сини
Я внизу увидел землю-мать.
Что она подумала о сыне,
Из гнездовья жаждущих летать?
Мне всегда хватало вдоволь хлеба
И людской душевной доброты.
Может, просто не хватало неба,
А еще точнее, высоты?
Ты лети,
Стальная птица века —
Верная ровесница мечты.
Облако колышется,
Как ветка,
Осыпая снежные цветы...

Нежная,
Как слово алюминий,
Крохотная птаха в облаках,
Мы тебя за скорость полюбили,
И за то, что презираешь страх.
Ты лети,
Гори, как самородок,
Огибая солнца окаем.
Я влюбился в крылья самолета,
Я мечтою этой окрылен.
Если птице крылья
Для полета,
Человеку крылья —
Для любви...
Я влюбился в песню самолета,
Матушка-земля,
Благослови!

* * *

Горячий снег,
Горячий лед
И опаленная зарница...
Домой не долетела птица —
В горах разбился самолет.
Нашли обломки пастухи,
И старший, повидавший много,
Вздохнул:
«Быть может, за грехи,
Но почему же так жестоко?»
Летел домой один студент —
Легла дорога,
Как тревога.
Спешил в Москву корреспондент —
Скупые строки некролога.

Чужая, может быть, беда,
Невосполнимая утрата,
Запала в душу навсегда —
Болит печально смертью брата.
И все покоя не дает,
И по ночам тревожно снится.
В горах разбился самолет...
В гнездо не возвратилась птица...

* * *

Летим по кругу —
Ниже, ниже.
Земля родная — ближе, ближе...
Горят огни аэродрома
Огнями дорогого дома.

Пока, седлая высоту,
Кружили мы по белу свету,
Безумно я влюблялся в «ТУ»,
А может, в стюардессу эту.

Влюбился я в свою мечту,
Пока летал по белу свету.
И в неземную красоту,
И в высоту, и в землю эту.

И вот уже аэропорт.
И вот уже встречает кто-то.
По капелькам стекает пот
С уставших крыльев самолета.

И вот уже аэропорт.
Глазеют окна удивленно.
И я, спустившийся с высот,
Иду легко и окрыленно.

ОЛЕНИ

Бегут они, стройны и юны,
Апрельским лесом,
Без дорог.
И паутинки,
Будто струны,
Поют по ветру между рог.

О, быстроногие олени,
Я буду вашим земляком,
Вы, как в матическом моленьи,
Склонились перед родником.

Я тоже преклонил колени,
Но зачерпнул всего лишь горсть.
В горах хозяева — олени,
А я, наверно,
Только гость.

И независимы,
И горды,
Легко копытцами звеня,
Они уходят прямо в горы,
К вершинам синим
Без меня.

И я один и сердца горечь
Не угасить рожденьем дня...
Я — ваш, олени, ваш я — горец!
Не уходите без меня.

ДЕРЕВНЕ

Городские клумбы,
Как деревня...
Заводские трубы,
Как деревья,

Облетают розовым дымком.
И в табачных пахнет молоком,
И в молочных тянет табаком,
Самосадом
Или самим хлебом,
Просто садом
Или синим небом...

Потому что было всё поселком,
Или же глухим лесным проселком,
Или полем с мукомольной пылью —
Деревенской сказочною былью.

Я — мужик.
Я — пахарь или пекарь.
Я мальчишкой плакал или бегал
Площадями — будто бы полями.
Может быть и вырос на поляне,
Где-то под большими тополями.

Потому и не было деленья
Между мной и добрым мужиком,
Матушка родимая,
Деревня,
Я твоим взлелеян молоком.

ЛЕСНИЧИЙ

Ему все хуже.
Он болеет,
Все дни и ночи недвижим,
Как дуб поваленный, лежит,
Березкой белою белеет.

Но не умрет, он —
Отцветет,
Не изменив родному делу.
Он только в дерево уйдет,
А дерево — корнями
В землю...

Печальный траурный оркестр
Деревьев шум
И гомон птичий,
В последний путь бредет лесничий
Тропинкой росною окрест.

Его,
Как дерево несут,
Посадят,
Но не похоронят,
Чинарой юной окоронят
Могилу тихую в лесу.

ЛУЖАЙКА ДЕТСТВА

(эскиз)

Алеет алым языком,
В пыли,
Бродячая собака.
Она кусачая,
Однако
Я с нею, кажется, знаком.
Там очередь за керосином,
(А мне уже двенадцать лет),
Гордиться мама может сыном.
Бегу,

В руках огонь и свет.
Там девочки соседской
Плач
Уже средь ночи не разбудит.
Девятый раз приходит врач,
В десятый
Сам он плакать будет.
Но ночь увянет
И умрет —
От солнца никуда не деться.
И птица вырвется в полет
И озарит лужайку детства.
Алеет ало мушмула,
Ей в ноги ластится
Крапива,
Лужайка детства
Так красива,
О как красива,
Но... мала.

ЗОНТИК

Восславься ум, хотя бы потому,
Что среди прочих тысячей экзотик
Изобретен обыкновенный зонтик,
Который оценили по уму.

Судите сами, это, право, чудо.
Когда в ненастье вдруг взмахнешь рукой
И, точно волшебство, из ниоткуда
Возникнет мини-крыша над тобой.

И тут готов ты смело принять бой
Любой стихии, голубого ливня,

Ведь ты счастливчик —
Крыша над тобой,
Надежная и легкая,
Как крылья!

ВЕСНА АБХАЗСКАЯ

Весны неудержима акция.
Дохнуло ветром
Из-за гор.
Опять завьюжила акация
И горном
Прогорланил гром.
Как речка горная
Стремительна,
Ясна,
Прозрачна и чиста
Весна — девчонка восхитительна
И удивительно
Проста.
Давай, весна,
Бродить по нивам,
Как бродит буйное вино,
Я стану
Добрым и наивным
А, впрочем, был таким давно.
Весна абхазская,
Со сказкою
Тебя сравнит поэт любой.
А я сравню тебя
С абхазскою,
С весенней девушкой
Одной.

ИКЕБАНА

(букет тебе)

Е. В.

1. февраль

Грустит ли по тебе
Береза
В твоем заснеженном
Краю?
Южанка жаркая
Мимоза
Печаль развеяла
Твою.
Она ворвалась ярким
Светом
В Сухумский
Аэровокзал.
Поведала о всем
Об этом —
О чем тебе
Не досказал.
Куда летишь
С огнем мимозы
Огонь душевный
Теребя?
... Любимая,
Забудь про слезы —
Я буду плакать
За тебя.

2. март

Цветет магнолия,
Волжанка,

Ты полюбила этот
Цвет.
И мне цветок сегодня
Жалко,
Что у него любимой
Нет.
Цветет магнолия,
Елена,
В Сухумском аэропорту,
А самолет твой
Постепенно
Зачем стремится
В высоту?
Он растворяется
И тает,
И улетает
Навсегда ль?
Цветок любимый
Расцветает,
А самолет уходит
Вдаль.

3. июль

Кто дарит нежные
Цветы
Тебе в любое время
Года?
Не он,
Не тот,
Не я,
Не ты —
Сама волшебница —
Природа!
«Не рви цветок,

Он хочет жить», —
Сказала ты,
А я сорвал бы,
Но путь на Север
Не лежит,
А без тебя цветок
Завял бы.
... Летит снежинок нежный,
Цвет
И тихо тает на
Ресницах.
Пусть самый солнечный
Букет
Тебе, любимая,
Приснится.
Прими венок
Из этих строк.
Что для тебя
Еще я мог?..

БЕЗ ТЕБЯ...

Без тебя, как без себя,
Я потерян.
Лебедь мой умирает
В тоске.
Понапрасну любви строил терем,
Этот замок простой
На песке.

Без тебя, как без себя,
Что я значу?
И встает за вопросом вопрос.
Я грущу и смеюсь,

Нет — я плачу.
Но совсем не стыжусь
Этих слез.

Без тебя — как без себя...
И устало
Черный лебедь
Садится на грудь.
Побежать бы опять вдоль состава,
Но тебя непременно
Вернуть.

Ночь сухумская вновь
Опустилась,
Разбрелись по садам
Фонари,
Ты была наяву
Иль приснилась
Мимолетным сияньем зари?

В этой комнате моей
Одинокой
Неожиданно станет темно,
Загрустит по тебе,
Синеокой,
Старомодное наше
Трюмо.

Без тебя, как без себя...

ТРИ ЭТИХ ДНЯ...

Три этих дня
Слетели белым цветом
С апрельской ветки

Дерева весны
И, удивляя небывалым светом,
На крыльях лебединых
Вознесли.

И я парил
Просторно и высоко,
И говорил
Волшебные слова,
Пьянея от березового сока,
И небом наполнялась голова.

Три этих дня,
Как голубые птахи,
Исчезли,
Растворились на виду.
И черный день —
Напоминанье плахи
В любви моей
Заснеженном саду.

Сорваться,
Побежать бы за вагоном,
Но не хватило, видимо, меня.
И грустно протрубили над перроном
Три этих дня...

* * *

А по заплаканному полю
Взметнулись гривы тополей...
Земля,
Я болен твоей болью,
Я ранен раною твоей.

О, мать седая,
Я твой доктор.
Я не убийца —
Пахарь твой.
Земля родная,
Я твой донор.
Вот мои песни,
Пей и пой.

Я лягу в ров, накрой собой,
Пусть раны старые не жгут,
Я,
Невернувшийся из боя,
Солдат,
Которого все ждут...

Пусть ходят люди в ровном поле,
По мне.
Молчание храня,
Цветы сорвут из моей боли
И выросшие из огня.

НОГИ

1. Велосипед

И свершился этот важный миг!
В ореоле славы и побед,
Офицер,
Безногий фронтовик,
Сыну покупал велосипед.
Он стоит, короткий и большой,
И руками на педали жмет.
А мальчонка рядышком, босой,

Неспокойно очереди ждет.
И сказал отец ему:
— Лети,
За себя и за меня крути!
Мы в окопах презирали смерть,
Научились в пытках выживать,
Но трудней безногому хотеть
На педалях скорость выжимать...
Он махнул досадливо рукой,
А ему хотелось мчаться вслед
Босиком,
по траве,
над рекой,
догоняя тот велосипед.
Так запомнилось на много лет:
В золотой, оранжевой пыли
Голубой летит велосипед,
Больно ковыляют костыли.

2. Футбол

У инвалидов привилегии —
Сквозь пеший,
Столпленный народ
Они на собственных приехали
И разместились у ворот.

Футболки празднично белеют,
А рядом... в несколько шагов,
Сидят безногие,
болеют
За быстроногих игроков.

Они в машинах, как в оковах,
Протезы новенькие жмут.

Они в машинах, как в окопах,
И, кажется, сигнала ждут...
И вновь,
Сигнальною ракетой,
Летит в сквозное небо мяч.
... Не плачь, родимая, не плачь,
Из всяких бед и неудач —
Лишь только стойкий выживает...

А футболистов награждают,
Оркестры праздничные бьют.
И инвалиды побеждают,
Как в том, решительном бою!

3. Шаги

Ему все мерещится шорох шагов
В ту лунную ночь...
Два шага от смерти.
А он уже не шагнет вновь
И другу шагом могилу не смерит.
Хлопнул тогда старшина по плечу:
— Что, струсил? Сердце в пятки ушло?
Теперь никто не скажет ему:
— Что, струсил,
Сердце в пятки ушло...
И только безногие сапоги
Все ждут в углу быстроногих дорог...
Заплаканный мост.
Шати, да шаги.
На мокром асфальте
Шагов откровенье.
И только в углу молчат сапоги,
Большие,
разбухшие, как вены...

* * *

Рай-рай, рай-рай, рай-рай
Райрадио играет.
Несут Тимошку в рай,
А радио играет.
Не стало вожака
И вся семья рыдает.
Не стало мужика,
А радио играет.
Орет на все село,
Как не было когда-то
На свадьбе у него,
Безногого солдата.
Эй, ты, угомонись!
Бездушное играло,
Ведь умер гармонист,
Тебе и горя мало...
Во всю горит закат...
Да где такое видно,
Ведь умер музыкант
И потому обидно...
Несут его, несут
Печально на заходе,
А за рекой, в лесу
Мехами сосны ходят.
И льется через край
Из радио гармошка! —
Играй,
Играй,
Играй! —
Вот так играл Тимошка.

ДИОСКУРИЯ

(Город на дне)

Радости все
И печали,
Загсы все
И морги.
Синее небо над чайками.
Чайки над синим морем.
Ветер,
Целующий ветки,
Солнце,
Влюбленное в утро, —
Все здесь осталось навеки,
А там все серо и хмуро.
Там холодно все и немо,
И каменным громадам
Так не хватает неба.
И солнца немного надо.
Все схоронили волны,
Но сохранили волны
В шуме прибоя стоны
И Диоскурии слезы.
...А на земле, как прежде,
Вешние травы буйны.
Дождик стучит в скворешни,
Словно на праздник бубны.
И улетают птицы,
Ветер целуя в губы
...И Диоскурия снится
Сыну её — Сухуми.

ЖЕРЕБЕНОК

Саше Имедашвили

Окружила детвора меня
И глядит
Пытливыми глазами:
— Нарисуй, пожалуйста, коня.
Как рисуют,
Мы не знаем сами.
Карандаш беру я поострей —
Розовый, конечно,
Не иначе,
Сам давно не рисовал коней —
Не соображу,
С чего начать мне.

Да, задача эта не проста.
Повезло, как видно,
На такую.
С головы начать или с хвоста?
Сам давно по лошадям тоскую.

Не рисую я давно коней,
Ясно —
Не мальчишка, не ребенок.
Только через призму
Дальних дней
Светит мне каурый жеребенок.
Он пришел ко мне
На сеновал,
Ластится коричневой мордашкой...
Я таким тебя нарисовал,
Лошаденок мой ты
Карандашный.

Ты из дальней золотой поры —
Той, что называют просто
«Детство».
Обскакал шумливые дворы —
Никуда мне от тебя
Не деться.

Ты скачи,
Лети через года,
В синих каплях родниковой
Влаги.
И таким останься навсегда —
На просторах
Голубой бумаги.

ПРО ЛОШАДЕЙ

Пусть меня простят за нетактичность,
Некоторых,
Так сказать, людей,
Утерявших собственную личность,
Я б легко сменял на лошадей.
Лошади —
Они не подводили,
Не щадили гривы и подков,
И в походы дальние ходили,
Выполняя волю седоков.
Если же бывало в поле ранен
Умирал хозяин на глазах,
Выносила лошадь с поля брани
К месту,
Где горел родной очаг.
И недаром воспевалось все же
В песнях отшумевшей старины

То,
Что лошадь золота дороже,
Подороже и иной жены.
Ведь она была краса и гордость
Каждого в ауле молодца,
Лошадью определяли годность
И уменье всякого бойца.
Лошадьми мужчины дорожили,
Лошадей ценили,
Как людей.
И они им преданно служили —
Я люблю за это лошадей.
А еще за то, что непременно
Лошадей наивные глаза
Отражают не кнуты и сено,
А сквозные эти небеса.
Пусть простят меня, на нашей площади,
Символом геройства и добра,
Памятник бы я поставил лошади,
Думаю, давно уже пора.

* * *

О это тяжкое табу...
На кочевое беспокойство!
Луга поднялись высокосно,
А здесь в загоне
Весь табун.
Смирившись с участью такой,
Гнедые,
Пегие,
Седые
Преобразилися в святые
В петле арканової тугой.
Их, безыдейных лошадей,
Вогнали в тесные ворота.

А завтра предстоит работа
На умных правильных людей.
И вдруг один скакун в упор,
Неважно там, какой он масти,
Как будто бы заправский мастер,
Перемахнул через забор...
И был таков.
И что погоня!
В глазах простор — и — ничего,
Куда там выхоленным коням
Нагнать свободного его.
В загоне лошади жуют
Скупые пайки комбикорма
Невозмутимо и спокойно.
В неволе лошади живут.
В загоне стало,
Как закон,
Ждать каждодневную подачку.
А где-то носится тот конь,
Свою преследуя удачу.

ЛОШАДЬ

Через поле последнее —
Площадь,
Мимо быстрых и юрких машин,
Ковыляет угрюмая лошадь,
Свое дело ветрам отслужив.
Не звенят по бетону подковы,
Не поют,
Как бывало, в ночах.
Громыхают как будто оковы
На стреноженных чутких ногах.
А машины,
Легки и красивы,

Утирают натруженный пот.
Но дрожат лошадиные силы,
Упираются в тесный капот.
Им, наверное, нужно на волю
В струях ветра куда-то бежать,
Прогуляться по чистому полю
И, отфыркавшись,
Громко заржать...

* * *

Сквозь бедлам
И содом
Одичалый, но прежний,
Я вернулся в тот дом,
Не скрывая надежды.
Обветшалый порог
Минарет моей веры.
Только ветер продрог,
Не пускает за двери.
Вот тяжелый засов
И шальная собака,
Я вернулся, однако...
Нет,
Я просто зашел.

* * *

Апрельский дождь,
Пропахший огурцами,
Сегодня я с тобою заодно
И с озорными птицами скворцами,
Летящими в открытое окно.
Я выбегаю,
Или вылетаю.

И с каплями я в землю ухожу.
И растворяюсь,
И как будто таю...
И сквозь асфальт травою восхожу.
В твоих стропах запутался я будто,
Апрельский дождь,
Целующий зарю.
...Под куполом большого парашюта
Я над землею птицею парю.

СЫНУ

Тебе, моряк, уже четвертый год!
Солидный парень возрастом и ростом.
Нарисовать ты просишь пароход.
Ну что же, мальчик, это очень просто.

Сначала берег мы изобразим,
Потом и море.
— Видишь, — это волны.
А это ветер — он неотразим,
А это чайки вечно беспокойны...

Ну, вот и все.
Теперь пора в поход.
Ты только жди и, точно свет манящий,
Сейчас возникнет белый пароход,
Не нарисованный, а настоящий.

* * *

Свободным росчерком
Ракет
Взметнулись в небо
Минареты...

Но все разгаданы
Секреты —
Ни тайн,
Ни загадок
Нет.

Одна
Единственная тайна
Седой Казанской старины —
Она,
С наивным кличем —
Таня,
Средь азиатской
Стороны.

* * *

Из огромной синей фляги,
Запрокинув вверх головки,
Капли влаги,
Капли влаги
Пьют наивные фиалки.

Листья по ветру, как флаги...
Это праздник бродит буйно.
Дай, весна, мне радость бубна,
Чтобы на листке бумаги
Описать веселье будней...

* * *

Пламенеет огонь листопада,
Полыхает до неба земля,
Мне сегодня со многими надо
Выходить на поля и луга.

Но, увы!
Не пахал я, не сеял

И работой себя не морил,
И с тоской не глядел я на север,
И у неба дождя не молил.

Почему же тогда, отчего же
На деревья гляжу не дыша?
На крестьянскую стала похожа
Вдруг моя городская душа.

Ждет меня,
Точно сына, долина,
И трепещет,
Встречая, лоза.
И глядят на меня буйволино
Винограда хмельные глаза.

По тропинке осеннего сада
В незнакомое утро бегу.
Если спросят чего тебе надо?
Вряд ли толком ответить смогу.

Я наивный простой человек.
Что я в жизни умею, могу?
Не хватает то песен,
То речек,
И за ними куда-то бегу.

Мне сегодня весны не хватает,
Необжитые тянут места.
Почему же весенняя тает
Лебединая песня-мечта?

Опустели осенние пляжи,
Так пустынно порой на душе...
Даже солнышко, солнышко даже
Растворяется в том мираже.

БЕССОННИЦА

Снова мучает бессонница.
Сонный город опустел.
А луна опять бессовестно
Пробирается в постель.

И дрожа, ложится рядом,
И покорно льнет ко мне,
Будто ей большая радость
С грешным быть наедине.

Будто не она свидетель
Бесшабашных тех ночей,
За которые в ответе
Перед совестью своей.

Мне в её объятьях жарко,
Мне никак невмоготу,
Мне луну немного жалко
За такую простоту.

Но на синем небосводе
Гаснет тихая звезда.
И луна уже́ уходит,
Может, это навсегда.

А рассвет весенний, ранний
Всполыхнул свои огни —
Чистота наивной лани.
Целомудрие луны.

СПИЧКА

Одна коротенькая вспышка,
И навсегда сгорела спичка.
Ушла так рано,
Но недаром —
Костер в полнеба пышет жаром!

Река

Я глубока,
Я широка, —
Кичилась гордая река.
Река,
Бесспорно, велика,
Но воду пьет из родника.

Люстра

Горела люстра ярко-ярко,
Красиво,
Броско, но...
Не жарко.

Капля

Упала капля
С синей ветки,
Поцеловала добрый снег,
И растворилася
Навеки,
Оставив теплый,
Теплый след.

* * *

Виновата ли машинка,
Что прокралась в текст ошибка?
И повинен ли рояль,
Что не льется песня в даль?

* * *

Дверь скрипела,
Скрипка — пела.
Вот такое, братец, дело,
Тот скрипит,
Другой поет.
Кто летит,
А кто ползет.

ЧАСЫ И ВРЕМЯ

Часы прославиться решили
И время обогнать спешили,
Но только от такого спеха
Ни капли не было успеха.
Часы медлительнее стали —
Совсем от времени отстали.
— Не угодишь, — часы сказали.
Остановилися назло...
Часы стояли.
Время шло.

ТОТ СТИХ, ЧТО ОН НЕ ДОПИСАЛ...

Тот стих,
Что он не дописал,
Каким же должен быть?
Подобный синим небесам,
Подобный синим небесам,
И
Молнией разить.
Тот стих,
Что он не дописал,

Все грезится во сне,
Хотел бы высказаться сам,
Но стих,
Подобный небесам,
Пока что не по мне.
Он у земли родной в груди.
Когда рассвет так тих,
Болит и мечется в груди.
Земля родимая,
Роди
Невысказанный стих!
Несказанные те слова —
В шумливой стае птах.
Слова,
Вот эта синева,
И горы снежные — слова...
И солнце — в тех словах!
Ушел поэт,
Ушел поэт...
Но через много лет
Сияет негасимый свет
И кажется, что этот свет —
Тот стих,
Что он не дописал...

КОГДА ВЕРНЕТЕСЬ, ПТИЦЫ?

Омару Бейгуа

О том, что улетают журавли,
История, наверное, банальна.
Но на душе тоскливо и печально —
Опять они растаяли вдали.

Когда вернётесь, птицы, вы,
Когда?

Неужто только позднею весною?
А может,
Расстаемся навсегда.
Меня волнует это,
Я не скрою.

Не скрою я, что плачу иногда,
Заслышав в небе клекот
журавлиный,
Когда вернетесь, птицы, вы,
Когда?
На милые равнины и вершины.

Не верю я, что краше есть страна,
Хотя на свете, может, есть и краше,
Чем Родина.
Но та земля не наша.
А Родина у всех у нас одна.

* * *

Светлый мой дом не тесен.
Полон разных чудес.
Стены его
Из песен.
Крыша —
Лазурь небес.
Ковры моего дома —
Утренняя роса.
Комнаты — мои думы.
Окна — мои глаза.

Настежь открыт душою —
В доме огонь не зачах.

Сердце мое большое —
Неугасимый очаг.

Железных запоров не будет,
И высоких заборов кругом.
Входите, пожалуйста, люди,
Это —
Мой дом!

АЛЁША

Боевые прострелены
флаги.
В потной фляге —
Ни капельки влаги.
Но поднялся солдат
Из отваги —
Так навстречу смерти
встают...
А над Пловдивом —
дивные ночи,
А на площади — дети
рабочих.
По-ребячьи, пускай, не
очень, —
Для Алеши
«Катюшу» поют.
И стоит он в сиянии
света,
И под ним проплывает
планета...
Люди мира, запомните
это —
Так из смерти герои
встают...

РОДНИК

Тодору Коруеву

— Устал?
— Устал...
— Водицы бы напиться!
— А вот родник,
прильни к его устам,
Чтоб заново родиться.
И ты целуешь свежую струю
Доверчиво и нежно —
точно сына,
И слышится твое «благодарю».
Земле, наверно, говоришь спасибо.
Она щедра, болгарская земля,
Хотя ее топтали
вражьи ноги.
Она для друга,
как родник в дороге!
Гортанные фонтаны на пути...
Что может быть
придумано счастливей!
И хочется, да, хочется идти
Сквозь солнца зной
и голубые ливни.
А путь лежит далек,
наверняка.
А пыль еще дорожная клубится.
Устал? — Устал...
— Вот песня родника.
Испей её, чтоб заново
напиться.

ДВОЕ

Живет на земле человек —
чудак.
Он к морю приходит просто
так.
И долго на берегу сидит
И молча на синеву глядит.
Он может петь,
Свободно дышать,
Свободно любить,
Как же ему счастливым не быть!
Вот он берет ракушку одну
И запускает ее ко дну.
Но и со дна
Светит она:
Искрятся крапинки-родинки —
И это песчинки Родины...
И там, за морем, живет
чудак.
Он к морю приходит
просто так.
И долго на берегу сидит,
И молча на синеву глядит,
И море похожее перед ним,
И небо такое же светит
на ним.
И солнце даже над нами одно,
Но разные берега все равно.
Глаза у него,
Как у меня.

Руки его, как у меня.
Волосы черные,
Как у меня,
Может, и имя носит мое.
Может, племени мы одного.
Знал ведь Родину его дед,
Но нет Родины у него,
Родины у него нет.

Из Омара Бейгуа

ДАЙТЕ ВОЛЮ!

Я думами с тобою навсегда,
И денно о тебе скорблю,
И нощно.
Пою родную песню
«Варада»,
И весь народ подхватывает мощно.

Я твой, Апсны —
Хоть смертью награди,
Без Родины же к миру не причастен.
Ах, умереть бы на твоей груди,
В твоих объятьях,
Это, право, счастье.

Во мне горит огонь твой
Без конца,
Рождая негасимое дыханье.
Душа моя звенит,
Как апхярца,
Но нету ей простора
Для желаний.

Так отпустите!
— Цель моя одна,
Дарите волю в этом самом главном,—
Я должен исчерпать себя
До дна.
Мне надобно извергнуться
Вулканом!

ГОЛОС ПРОМЕТЕЯ

Оковали меня кручи,
Задохнулся —
Не вздохнуть.
Скалы грозны и могучи
Тесно сжали мою грудь.
Цепко держат,
Не пускают...
Обессилела рука...
А теснина зубы скалит,
Беспросветна и узка.

Я зову,— не слышно зова,
Понапрасну я молю.
Не бросает солнце взора
В крепость тесную мою.
Я кричу —
Не слышит небо,
Как в безжалостной игре,
Застревает голос немо
В душной каменной дыре.

Неужели нет простора
И долины где-нибудь,
Неужели не услышат

И на помощь не придут?
Эх, вздохнуть бы мне,
Как прежде,
Оглядеть сквозной простор...
Хоть бы капельку надежды,
Что услышал из-за гор!

АНЦВА ИХААИТ*

О, господь,
Тебя возносим,
Об одном лишь только просим:
Дай нам радости застолья,
Сбереги от слез и горя.
Анцва ихааит!
Гость пускай удачлив будет,
И хозяин счастлив будет.
От огрехов упаси,
До успехов вознеси,
От ошибок схорони,
Нас, абхазцев,
Сохрани!
Анцва ихааит!
Озари душевной лаской,
Одари волшебной пляской,
Вечной дружбой награди,
Дай нам счастья впереди,
Мир,
Любовь всели нам в плоть,
Молим мы тебя, господь!
Анцва ихааит!

---

* Анцва ихааит — Дай, боже!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Последним залпом
Отгремела вдруг,
Отплакала война.
Отгромыхала.
И он домой вернулся, но без рук,
Да по весне,
Когда забот немало.
Нежданно, уцелевшему, ему
Калитку шумно отворили дети.
А у жены, наперекор всему,
Сквозь слезы на лице улыбка светит...
И люди подбодрили:
Не беда. Тут главное,
Что уцелел и выжил.
Через лихие прошагал года
И из огня к родному дому вышел.
И прятали печальные глаза,
Порой шутили,
Будто между прочим...
Но плакала весенняя лоза,
Истосковавшись по рукам рабочим.
Жена и терпелива и добра,
Его кормила с ложки, как младенца.
И за двоих работала с утра,
И он не знал, куда от горя деться.
Метался неприкаянно вокруг,
Бродил в тоске от сада к огороду.
Но что он мог — израненный,
Без рук?
Лишь созерцать молитвенно природу...
Как жадно он оглядывал вокруг

Родную землю —
Будто напоследок.
Но что он мог, израненный,
Без рук —
Как дерево весеннее
Без веток!..
И было видно по его глазам,
Что нелегко с такою жизнью сладить,
Как он хотел порой по волосам
Жену свою любимую погладить!
Мечтою о цветении он жил —
Как дерево весеннее без веток.
Он победил.
Он подвиг совершил.
Подруга продолжала подвиг этот.

СНЕГ ИДЕТ

Снег идет.
Снежинки чертят круг,
На губах цветут веселым смехом.
Забросали мальчики подруг
Серебром,
Волшебным,
Чистым снегом.
Снежно
Со вчерашнего утра,
Нежно
Синева меня коснулась.
Сколько серебристого добра —
Снежная красавица проснулась.
Снег идет.
О сколько намело,
Но бояться холода не нужно.
Будет и уютно, и тепло —

Не страшна в Москве
Любая стужа.
Снег идет,
Завешивая даль.
Небеса спешат с землею слиться.
Как зима умело вяжет шаль!
Эта шаль к лицу родной столице!

МАТЕРИ

Не забыл тебя я, мама,
Хоть и гость я на пороге.
Ну, а времени так мало;
То дороги,
То тревоги.
Где я только не бываю,
И успеть хочу повсюду.
Но одно я твердо знаю:
Для тебя родным я буду.
Опустело что-то в мире,
И чего-то не хватает.
На твоей сырой могиле
Сами розы расцветают.
Кто цветы те пожалеет?
Кто водички даст хоть мало?
В мире не было милее
Рук твоих прекрасных, мама.
Как ты радостно встречала,
Как друзей ты привечала.
А сыновьи недостатки
Ты почти не замечала.
Сыновья твои — мужчины —
И не будет им покоя.
... Я могилы той морщины
Глажу нежною рукою.

НА УЛИЦАХ МОСКВЫ

У каждого —
Заветные мечты.
У всякого —
Счастливые заботы...
Задумчивые
Снежные цветы
Московские заполнили
Высоты.
И снега
Освещенная душа
Спешит в объятья
Улицы залива,
Туда,
Где жизнь проносится,
спеша,
И с добротой
Рифмуется счастливо.
Вот человек...
Знакомое лицо,
Его я где-то видел,
Незнакомца.
Московское
Садовое кольцо,
Ты из улыбок
состоишь,
Из солнца.
Спешит прохожий...
Подгоняет дни,
Своя забота
И своя работа.
А вот еще...

Куда летят они,
А, может, ждет их
Радостное что-то?
Сейчас я дома.
Ливнями тоски
Идут дожди
над персиковым садом,
И снятся мне
все улицы Москвы.
И кажется,
они за садом —
Рядом.

ГАГРА

I

Мне в этой жизни повезло,
Судьба дарована мне богом
Все замечать —
добро и зло,
Шагая по людским дорогам!

Да, я иначе не могу,
И боль и радость —
все приемлю.
На гагрском
синем берегу
Благодарю за это землю.

Уже июнь,
Взмахнув крылом,
Стряхнул дождинки в звонком шуме,
И на просторе голубом —
Пора мечтаний и раздумий.

Так в чем же истины секрет?
И в чем мечты первооснова...
Её топтали столько лет,
Но Гагра подымалась снова.

И я стою над бездной лет,
Где море плещется веками.
И чувствую — волшебный свет
Во мне колышется крылами.

Летят сюда дороги из веков,
Проносятся над морем и горами,
И несмолкаем гул колоколов,
В седоволосом Питиунтском храме.

А город весь —
В задумчивом цвету,
В каком-то патетическом моленьи,
И сосны,
Набирая высоту,
Пред веком опустились на колени.

Да в Питиунте —
Обновленья век.
Далекая Нивея слышит это.
И я —
Обыкновенный человек,
Наполнил сердце
Обновленья светом.

II

Орган играет в древнем храме.
Весна —
На лике старины.

Над корпусами —
Парусами
Волненье птиц и
Песнь волны.
Антенны солнца —
Кипарисы —
Нацелены на высоту,
И слушают сквозные выси
Возвышенную песню ту.

Здесь бронза крепкого загара
И летних будней торжество,
Святая музыка органа,
Пицундских сосен колдовство.

И от торжественного вида
Здесь замирает все вокруг.
«Апсны»,
«Иверия»,
«Колхида»
Сплотились в синий полукруг.

Орган играет
В древнем храме,
И подпевает шум волны.
Над парусами —
Корпусами
Ритм наших дней
И старины.

III

Здесь веришь
В радость новой встречи
И верной дружбе естество.

Заслышав звон весенней речи,
Поверишь
В жизни торжество.

Здесь —
Прошлое и день грядущий,
И солнцем полнятся мечты,
И молодеют
Наши души,
И достигают высоты.

Здесь,
Рядом с царством Посейдона,
Почувствуешь
Однажды ты,
Что жизнь —
Прекрасна и бездонна,
Полна
Любви и чистоты!

РИЦА

Небо над тобою серебрится
И ласкает в солнечных лучах.
Рица, Рица —
Снежных гор царица,
Ты как море —
Радости очаг.
Скалы над тобой,
Как великаны,
Снежные папахи на виду...
Есть моря на свете, океаны,
Но второй я Рицы
Не найду.
Отчего же,
Братья, я не весел,
Ястребы не радуют и те?
Мне обидно —
Очень мало песен
Сложено об этой красоте.
Горько мне,
Что редко мы бываем
Среди скал в заоблачной черте.
И в себе тем самым убиваем
Дедовскую тягу к высоте.
Небо над тобою серебрится,
Скалы смотрят далеко вперед.
Рица, Рица —
Снежных гор царица,
Ветер твой волнует и зовет!

АПСНЫ

Радость моя и гордость моя,
Песни немеркнущий свет.
Может,
И есть красивее края, —
Дороже родины нет!

Сердце мое,
Свет и любовь,
Кровь ты моя и кров.
И за тебя на подвиг любой
Я ежечасно готов.

Светлый цветок в сердце моем
Ради тебя не зачах.
Предков очаг вечным огнем
Светит в твоих очах.

Небо, луна, солнечный свет...
Море, прибой, волна...
Не было краше тебя, и нет,
Милая сердцу страна.

Золото сада, облаков стадо,
Что пронеслось поутру...
Здесь я родился, здесь я умру —
И большего мне не надо.

Ты вознесла на крыльях, любя,
Подобно лучу, я лечу.
Жизнь для тебя и смерть за тебя —
Большего не хочу.

МОЙ ПАРУС

Ночь. Полумрак.
Ветер, как враг,
Набросился на меня.
Слева — скала,
Справа — овраг.
Море кипит от огня.

Но парусник мой плывет и плывет,
Сквозь тучи и ночи мрак,
Туда, где солнце мое встает,
Надежды светит маяк.

Чайка крылом,
Будто веслом,
Взмахнула и скрылась вдали.
Ветер и гром,
Молний излом —
Гибнут вот так корабли.

Но парусник мой идет напрямик
Сквозь ветер и глыбы льда,
Туда, где солнце мое горит —
Надежды моей звезда.

Вот на утес
Ветер занес,
Бросил потом вниз
Снег и мороз,
Ветер до слез —
Это и есть жизнь.

Но парус летит, не меняя пути.
Что молнии гроза?
Надежда ждет меня впереди.
Мне светят ее глаза.

* * *

Неповторимы небо и луна.
И околдован я звездою-птицей,
Но ты одна, любимая, одна,
И что с твоею красотой сравнится?!

Но я боюсь, что в небеса влюблюсь,
Любуясь синевою неземною,
И на тебя все жарче я молюсь,
Хотя ты в этот час и не со мною.

Вчера среди вечерней чистоты,
Не знаю, может, и приснилось это,
Мне показалось, что чинара — ты,
И простоял я с нею до рассвета.

Боюсь забыть... Боюсь тебя забыть
И среди дня, и среди темной ночи.
Но что мне делать,
Как, скажи, мне быть,
Когда об этом думать ты не хочешь?

* * *

Вечерняя пора
Крылом коснулась снова.
Но мне в поход пора, —
Ведь песнь уже готова.

Ночь черная вокруг
Раскинулась как бурка,

... Стихи родились вдруг
И светятся как будто.

Рождение стиха —
Мне это так знакомо.
Светла ночь и тиха,
И не сидится дома.

* * *

Волна за волною,
Как нота за нотой,
Рождается музыка
Этой работой.

Волна за волною,
Ликуя и споря,
Рождается песня —
Мелодия моря.

Когда это было?
Наверно, в апреле.
И морю хотелось,
Чтоб вместе мы пели.

Но только напрасно
Старался я все же.
Мой голос на море,
Увы, не похожий.

И волны умчались
Гулять на просторе,
Но в песне осталась
Мелодия моря.

* * *

На колени лавровишен
Босиком взобрался ветер.
Поднимается все выше,
Хорошо ему на свете.

А деревьев этих тень
Уползает, уползает,
От меня уходит день —
Сколько впереди... кто знает?
Знать бы мне, что долго жить
И с деревьями дружить.

СОДЕРЖАНИЕ

Экслибрис 3
Поправка к названию книги 3
Коротко о себе 4
Риск 5
Поединок 6
«Я, горец, в городе родился...» 6
Охота 7
«Ах, мне бы быстрою рекой...» 9
«Меня водили, как ребенка...» 10
Кубань 11
Зеленчук 11
Зоологический музей 13
Рыбы 14
Последняя спичка 15
Баллада об интернациональном долге . . 17
Любовь к самолету 19
«Горячий снег, горячий лед...» 20
«Летим по кругу — ниже, ниже...» 21
Олени 22
Деревне 22
Лесничий 23
Лужайка детства 24
Зонтик 25
Весна абхазская 26
Икебана 27
Без тебя... 29
Три этих дня... 30
«А по заплаканному полю...» 31
Ноги 32
Велосипед 32

Футбол 33
Шаги 34
«Рай-рай, рай-рай, рай-рай...» 35
Диоскурия 36
Жеребенок 37
Про лошадей 38
«О, это тяжкое табу...» 39
Лошадь 40
«Сквозь бедлам и содом...» 41
«Апрельский дождь, пропахший огурцами...» 41
Сыну 42
«Свободным росчерком ракет...» 42
«Из огромной синей фляги...» 43
«Пламенеет огонь листопада...» 43
Бессонница 45
Спичка 45
Река 46
Люстра 46
Капля 46
«Виновата ли машинка...» 46
«Дверь скрипела, скрипка — пела...» . . 47
Часы и время 47
Тот стих, что он не дописал... 47
Когда вернетесь, птицы? 48
«Светлый мой дом не тесен...» 49

ИЗ БОЛГАРСКОЙ ТЕТРАДИ.

Алеша 51
Родник 52
Двое 53

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ.

Из Омара Бейгуа

Дайте волю! 55

Голос Прометея 56
Анцва ихаит 57

Терентий Чания
Возвращение 58
Снег идет 59
Матери 60

Гиви Берая
На улицах Москвы 61
Гагра 62

Рушбей Смыр
Рица 66
Апсны 67
Мой парус 68

Валентин Когония
«Неповторимы небо и луна...» 69
«Вечерняя пора крылом коснулась снова...» . 69
«Волна за волною, как нота за нотой...» . . 70
«На колени лавровишен...» 71

Едуард Асҳад-иҧа Зыба
ЕҚСЛИБРИС
Ажәеинраалақуа
Урысшәала

ედუარდ ასხადის ძე ძიბა
ᲔᲥᲡᲚᲘᲑᲠᲘᲡᲘ
ლექსები
რუსულ ენაზე

Эдуард Асхадович Дзыба
ЭКСЛИБРИС
Стихи

Рецензент канд. филолог. наук А. Я. Беселия

ИБ 1262

Редактор А. Авидзба. Оформление Л. Ганаболиной. Художественный редактор П. Цквитария. Технический редактор Л. Евменов. Корректор Ж. Гублиа.

Сдано в набор 14.09.1988 г. Подп. к печ. 8.12.1988 г. ЭИ00645. Формат 70 x 108 1/32. Гарн. литерат. Высок. печ. Типогр. бум. № 1. Физич. печ. л. 2,37. Усл. печ. л. 3,32. Уч.-изд. л. 3,04. Усл. кр.-отт. 3,4. Тираж 1000. Заказ 6614. Цена 40 к.

Издательство «Алашара», Сухуми, ул. Ленина, 9.

Сухумская типография им. Ленина Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли при Совете Министров Абхазской АССР.
Сухуми, ул. Эшба, 168.

Цена 40 коп.